

О транспозиции сальвационной функции в структуре сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем

Ольга В. Попова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, popova.olga13w@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется сюжетная структура старофранцузских поэм «Элиокса» и «Беатрикс», основанных на сюжетном блоке о рождении Рыцаря с лебедем, который имеет фольклорный генезис. В поэме «Элиокса» функцию спасителя выполняет женский персонаж, в типологически более поздней поэме «Беатрикс» – мужской. Перенос сальвационной функции с женского персонажа на мужского влечет за собой появление в сюжете «Беатрикс» эпизода судебного поединка. В «Беатрикс» усиливается роль сверхъестественного вмешательства, судебный поединок воспринимается как борьба Бога и дьявола. Ликвидация недостачи (в терминологии теории В. Проппа) мотивируется сверхъестественным вмешательством и интерпретируется как восстановление справедливости благодаря божественной помощи.

Ключевые слова: средневековая литература, фольклорный сюжет, мотив, Рыцарь с лебедем

Для цитирования: Попова О.В. О транспозиции сальвационной функции в структуре сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 283–294. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-283-294

The transposition of the salvational function in the structure of the thematic unit of the birth of the Chevalier au Cygne

Olga V. Popova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
popova.olga13w@mail.ru*

Abstract. The author of the article analyses the plot structure of the medieval French poems 'Elixoe' and 'Beatrix', based on the thematic unit of the birth of the Chevalier au Cygne, which goes back to folklore. In 'Elixoe' the salvational function is performed by the female character, whereas in the typologically later poem 'Beatrix' it belongs to the male character. In 'Beatrix' the transposition of the salvational function from the female to the male character results in the inclusion of the episode of ordeal by combat. The role of Divine intervention in 'Beatrix' is enhanced, and the legal fight is seen as the fight between God and the devil. The resolution of the state of disorder (in the terms of V. Propp's theory) is motivated by supernatural intervention and is interpreted as the restoration of justice by Divine aid.

Key words: medieval literature, the folklore plot, motif, Swan Knight (Chevalier au Cygne)

For citation: Popova OV. The transposition of the salvational function in the structure of the thematic unit of the birth of the Chevalier au Cygne. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;3(36):283-94. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-283-294

Введение

В средневековой литературе и словесности XII–XV вв. получает распространение сюжет о герое, известном под именем Рыцарь с лебедем. В текстах он называется этим именем потому, что, согласно сюжету, прибывает на свой главный подвиг в ладье, влекомой лебедем. Странствия и подвиги Рыцаря с лебедем отражены в разных литературных традициях: французской, немецкой, английской, испанской.

Во французской традиции в результате соединения сюжетных блоков о рождении, подвиге и смерти Рыцаря с лебедем к XIV в.

в процессе циклизации складывается сюжет о Рыцаре с лебедем. Старофранцузские поэмы о Рыцаре с лебедем вошли в эпический цикл о Первом крестовом походе. Рыцарь с лебедем фигурирует в них в качестве предка главного героя цикла – Готфрида Бульонского, предводителя Первого крестового похода, ставшего правителем Иерусалима. К концу XII в. происхождение Готфрида Бульонского уже ассоциировалось с Рыцарем с лебедем, который считался отцом его матери Иды [1 с. XV]. Поэмы дошли до нас в 11 манускриптах, датировка которых варьируется от середины до конца XIII в. [1 с. XXIV–LXVI]. Тексты, содержащиеся в манускриптах, написаны на пикардском диалекте, и территория нахождения манускриптов ограничивается северо-востоком Франции. Поэмы сочинены лессами, десятисложным стихом.

В статье рассматриваются две старофранцузские поэмы, основанные на сюжетном блоке о рождении Рыцаря с лебедем. Традиционно их называют «Элиокса» (“Elioxe”) и «Беатрикс» (“Béatrix”) в соответствии с именем матери главного героя. Несмотря на то что эти поэмы имеют значительные сюжетные различия, их принято считать двумя версиями одной поэмы, получившей название «Рождение Рыцаря с лебедем» (“La Naissance du Chevalier au Cygne”). Обе версии анонимные, но некоторые исследователи приписывают «Беатрикс» жонглеру Рено (Renaut) [2 с. 483].

Сравним сюжеты поэм «Элиокса» и «Беатрикс» и выявим их сюжетные расхождения. В основе сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем, по всей видимости, лежит фольклорный сюжет о детях, превращенных в лебедей. Если выделить в поэме «Элиокса» основные мотивы, можно составить ее сюжетную схему. Для наглядности соотнесем ее с понятием «функция», которое В.Я. Пропп применяет к сюжету волшебной сказки:

Король женится на деве из иного мира

Свекровь не любит невестку, у невестки рождаются шестеро сыновей и дочь с золотыми/серебряными цепочками на шее, она умирает (начальная ситуация)

Свекровь крадет детей невестки (вредительство – 8)

У детей отнимают цепочки, и они превращаются в лебедей (недостача – 8-а)

Девочка, сохранившая человеческий облик, отправляется ко двору короля (начинающееся противодействие – 10)

Король узнает правду, лебедем возвращают цепочки, и они становятся людьми (кроме одного) (ликвидация недостачи – 19).

Если выделить основные мотивы в поэме «Беатрикс», ее сюжетная схема будет выглядеть следующим образом:

Свекровь не любит невестку, у невестки рождаются шестеро сыновей и дочь с золотыми/серебряными цепочками на шее (начальная ситуация)

Свекровь крадет детей невестки и подменяет их щенками (вредительство – 8)

У детей отнимают цепочки, и они превращаются в лебедей (недостача – 8-а)

Один из братьев, сохранивший человеческий облик, отправляется ко двору короля (начинающееся противодействие – 10)

Мальчик сражается с обидчиком своей матери и побеждает

Король узнает правду, лебедям возвращают цепочки, и они становятся людьми (кроме одного) (ликвидация недостачи – 19).

Сюжетные схемы поэм «Элиокса» и «Беатрикс» имеют несколько различий: в «Беатрикс» отсутствуют мотивы женитьбы короля и смерти королевы, но вводится мотив борьбы героя с обидчиком своей матери, который реализуется как участие героя в судебном поединке. Последнее различие представляется наиболее важным, так как позволяет установить относительную типологию этих поэм. По всей видимости, появление в «Беатрикс» эпизода участия героя в судебном поединке связано с тем, что в этой поэме функцию спасителя выполняет мужской персонаж, в то время как в «Элиоксе» – женский.

К вопросу об относительной типологии поэм «Элиокса» и «Беатрикс» впервые обращается Г. Парис. Исследователь считает, что присутствие в «Элиоксе» девочки, которая сохраняет человеческий облик и благодаря которой братья оказываются спасены, является характерной фольклорной чертой и указывает на первичность этой поэмы относительно «Беатрикс», а появление в «Беатрикс» эпизода судебного поединка и перенесение функции спасителя на одного из братьев является результатом влияния литературной традиции [3]. Позднейшие исследования сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем, в частности работа Ф. Синклера, подтверждают выводы Г. Париса. По мнению исследователя, распределение гендерных ролей в «Элиоксе» – сестра спасает своих братьев – наиболее характерно для сказочного сюжета, поскольку иной пол героя-протагониста воспринимается как маркер его более активной функции спасителя [4].

Вывод о первичности сюжета «Элиоксы» относительно сюжета «Беатрикс» представляется убедительным. Доказательством того,

что сальвационную функцию в фольклорном сюжете о детях-лебедях выполняла именно девочка, можно считать само ее появление почти во всех произведениях, основанных на сюжетном блоке о рождении Рыцаря с лебедем. В «Элиоксе» у королевы рождаются шесть мальчиков и одна девочка; и только девочка сохраняет человеческий облик, хотя, как и ее братья, носит на шее волшебную цепочку. В «Беатрикс» и более поздней поэме «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский» XIV в. у королевы также рождаются шестеро сыновей и дочь, но человеческий облик сохраняет один из братьев, а сестра, как и остальные дети, превращается в лебедя и в дальнейшем не выполняет никакой функции. В процессе трансформации сюжетного блока о Рыцаре с лебедем происходит транспозиция сальвационной функции с женского персонажа на мужской, но упоминания женского персонажа продолжают появляться в поэмах, несмотря на то что они уже ничем не мотивированы.

Итак, сюжет старофранцузской поэмы «Беатрикс» представляет собой трансформацию сюжета типологически более ранней поэмы «Элиокса». Целью статьи является исследование того, как появление мужского персонажа-спасителя в «Беатрикс» влияет на трансформацию мотивной структуры сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем.

Трансформация структуры сюжетного блока о рождении Рыцаря с лебедем

В поэме «Элиокса» присутствует мотив женитьбы короля на представительнице иного мира, отсутствующий в «Беатрикс». Согласно сюжету поэмы «Элиокса», встреча короля Лотара с его будущей женой происходит в лесу во время охоты. Преследуя оленя, Лотар сбивается с пути и засыпает около источника; с горы спускается дева, в тексте называемая Элиоксой, и накрывает его своим плащом. Исследователи указывают на амбивалентность символики горы в средневековых текстах. В мифологии она может выступать как мистическое обиталище богов, и отголоски этих представлений можно найти в эпических текстах. Как в эпосе, так и в рыцарском романе гора нередко появляется как топос, связанный с опасностями и приключениями [5]. Так или иначе, гора ассоциируется с иным миром, который находится вдали от мира людей. Существо, принадлежащее иному миру, наделяется пророческой функцией; предложение Лотара вступить в брак с девой мотивирует ее предсказание о том, что она умрет при рождении семерых детей, потомок

одного из которых будет править на Востоке. Несмотря на то, что мать Лотара Матросилия отговаривает его от женитьбы на Элиоксе, король женится на ней. О причинах недовольства Матросилии женитьбой ее сына, так же как о причинах ее нелюбви к невестке, не говорится ничего определенного: она лишь отговаривает его жениться на деве, о происхождении которой ему ничего не известно, и советует выбрать одну из знатных невест.

Кроме мотива предсказания в этой поэме присутствует мотив вещего сна: Элиоксе снится, что у ее ног лежало семь яблок из райского сада и ее свекровь у шести из них оторвала стебли. Лотар трактует сон Элиоксы как предсказание о рождении семерых детей, которые будут служить Богу. Истинный смысл сновидения остается скрытым от обоих персонажей, хотя отдельные детали им понятны. Можно заметить изменение установки создателя «Элиоксы»: переход от изображения героини как носительницы сакральной природы к изображению ее как жертвы несправедливости. В поэме присутствует мотив отлучки короля: Лотар отправляется в поход, чтобы отразить натиск языческого короля Гордоса из Палии, и оставляет Элиоксу на попечение своей матери; тем временем у Элиоксы рождаются шестеро сыновей и дочь с золотыми цепочками на шее, Элиокса умирает.

В поэме «Беатрикс» король носит имя Ориант, а его мать – Матабрюна. Исходная ситуация задается в самом начале поэмы и заключается только в нелюбви свекрови к невестке. О Матабрюне говорится, что она одержима дьяволом. С самого начала поэмы Беатрикс противопоставляется Матабрюне, но о предыстории, т. е. о женитьбе короля на деве, об их встрече, о ее происхождении, не говорится, и ничто не указывает на принадлежность королевы иному миру. В двух этих версиях сюжета по-разному представлена не только природа девы, которая впоследствии становится матерью чудесных детей, но и природа свекрови. В «Элиоксе» есть указания на принадлежность девы иному миру, в отношении свекрови подобные указания отсутствуют, несмотря на то что она выполняет функцию вредителя. В «Беатрикс», наоборот, делается акцент на принадлежности свекрови иному миру, но это уже не чудесный, как в «Элиоксе», а именно «чужой» мир, который в соответствии с христианским мировосприятием связан с дьявольским началом.

В отличие от «Элиоксы», где свекровь на самом деле верит в адюльтер, в «Беатрикс» Матабрюна только пользуется словами своей невестки для осуществления своего замысла известить ее. Король, напротив, при разговоре с Беатрикс верит во всемогущество Бога, хоть потом и соглашается с обвинениями в адюльтере. Рождение

семерых детей в обеих версиях происходит по воле Бога, но если в «Элиоксе» оно было предсказано самой героиней заранее, то в «Беатрикс» дети рождаются скорее в назидание самой героине, усомнившейся в божественном могуществе.

Тема сверхъестественного вмешательства в поэме «Беатрикс» проявляется и при реализации мотива кражи детей свекровью. Этот мотив является общим для обеих поэм, но если в «Элиоксе» козни свекрови не имеют четкой мотивировки (упоминается ее коварное сердце (*«felon cuer»*) и то, что она никогда не слышала о возможности рождения у женщины стольких детей одновременно), то в «Беатрикс» говорится, что мысль об убийстве детей Матабрюне внушил дьявол. О Беатрикс же сказано, что впоследствии Бог вернет ей все права. Создатель «Беатрикс» с самого начала стремится представить козни свекрови и последующее противодействие им как борьбу Бога и дьявола. Возможно, в том числе привнесением этого смысла объясняется тот факт, что Беатрикс остается в живых – она как персонаж, наделенный христианскими добродетелями, противостоит свекрови, одержимой дьяволом, и это противостояние должно закончиться победой Бога. Кроме того, именно Беатрикс, а не ее дети в первую очередь позиционируется как персонаж, в отношении которого совершается несправедливость, и, согласно логике сюжета, эта несправедливость должна быть устранена.

Превращение детей в лебедей в обеих поэмах происходит после того, как персонаж, наделенный, как и свекровь, функцией вредителя, снимает с них цепочки (в «Элиоксе» это слуга Рюдемар, в «Беатрикс» – лесничий Мокарэ). Согласно сюжету обеих поэм, дети живут у отшельника, который нашел их в лесу и воспитывает. В «Элиоксе» человеческий облик сохраняет девочка, лежащая в стороне от своих братьев, в «Беатрикс» превращения избегает один из мальчиков, поскольку уходит в город вместе с отшельником.

Как в «Элиоксе», в «Беатрикс» один из детей, сохранивший человеческий облик, в определенный момент покидает отшельника и отправляется в город, ко двору своего отца. В «Элиоксе» девочку посылает в город сам отшельник, давая ей наставления. Согласно сюжету, в городе девочка находит своих братьев, не предпринимая для этого осознанных действий: она идет к реке, чтобы размокнуть хлеб, и видит там лебедей. В «Элиоксе» присутствуют персонажи, способствующие встрече короля и его дочери, но их действия также ничем не мотивированы: это слуга знатной дамы, который провожает девочку к замку, и сенешаль короля. Слуга замечает золотую цепочку и расспрашивает о ней, на что девочка отвечает, что эту цепочку она носит от рождения, а ее мать умерла, родив семерых детей. Сенешаль

рассказывает королю о девочке, которая кормит лебедей, и упоминает о золотой цепочке на ее шее. В «Беатрикс» повествованию о том, как юноша покидает жилище отшельника, предшествует описание явления ангела: ангел является отшельнику ночью и рассказывает о родителях детей и о том, что утром юноша должен отправиться в город и сразиться за свою мать, иначе ее ждет казнь.

Таким образом, в «Беатрикс» появляется более четкая мотивировка действий персонажа, выполняющего сальвационную функцию. Если в «Элиоксе» девочка отправляется в город по настоянию отшельника и находит своих братьев случайно, то в «Беатрикс» юноша целенаправленно ищет замок короля, исполняя веление ангела. Но в обеих версиях персонаж-спаситель пассивен и не предпринимает каких-либо определенных действий для поиска детей-лебедей и возвращения им цепочек.

В «Элиоксе» активные действия совершает король: узнав от слуги о девочке, кормящей лебедей, он решает на следующий день понаблюдать за ней. Лотар убеждается, что сенешаль сказал правду, и расспрашивает девочку, кто она и откуда у нее на шее золотая цепочка. Услышав рассказ девочки, король вспоминает о сне Элиоксы и ее пророчестве о рождении чудесных детей и просит Матросилию рассказать правду и вернуть золотые цепочки. Недостача устраняется: на шеи лебедей надевают цепочки, они принимают человеческий облик, и только один из них, чья цепочка была переплавлена, остается лебедем.

В «Беатрикс» поведение короля более пассивно, чем в «Элиоксе», он не предпринимает каких-либо действий, чтобы узнать правду. Правда становится известна благодаря последующим действиям его сына: приближаясь к городу, юноша видит короля верхом на коне в сопровождении свиты, удивляется и спрашивает его, на каком животном он едет. Король отвечает на его вопрос, называет свое имя и спрашивает, как зовут юношу. Юноша не знает своего имени и отвечает, что его зовут Дорогой Сын («Viaus Fius»). Вероятно, это заимствование из «Персеваля» Кретьена де Труа. Заимствования из романа Кретьена появляются в тексте «Беатрикс» и в эпизоде обучения владения оружием (облачившись в доспехи, юноша, как и Персеваль, заявляет, что его старый наряд намного удобнее). В «Беатрикс», как и в «Персевале», в описании поступков и речей юного героя реализуется модель поведения простака. Но в сцене встречи с королем, кроме вопроса об имени, нет других заимствований из аналогичного эпизода романа Кретьена, в котором герой встречает в лесу рыцарей. В «Беатрикс» король Ориант признается юноше, что очень опечален. На вопрос юноши о причине его грусти Ориант отвечает, что должен

казнить свою жену за то, что она родила семерых щенков. Юноша говорит ему, что этого не случится, если он справедливый король, и Бог для этого привел его сюда. Таким образом, король в «Беатрикс» не наделяется функцией спасителя, но и не противодействует герою, к которому эта функция переходит.

Введение в сюжет образа героя, совершающего подвиг, мотивирует в «Беатрикс» описания, характерные для куртуазной литературы. Король дарует своему сыну, получившему при крещении имя Элиас, доспехи и посвящает его в рыцари. Еще до этого Матабрюна, согласно своему обещанию, посвящает в рыцари лесничего Мокарэ. Приняв крещение и будучи посвященным в рыцари, Элиас просит короля дать ему наставника, чтобы тот обучил его владению оружием. Король соглашается, и один из придворных, показывая Элиасу различные части доспехов и объясняя их назначение, рассказывает, как обращаться с оружием, а также учит правилам ведения поединка. Обучение Элиаса описывается в форме вопросов и ответов: Элиас спрашивает о неизвестных ему вещах, а наставник отвечает ему.

В эпизоде поединка в «Беатрикс» вводится мотив божественной помощи: Элиасу покровительствует Бог, а Мокарэ сохраняет колдовство Матабрюны посредством волшебных камней на своем шлеме. Элиас получает оружие от короля, и король дарует ему, в том числе, белый щит с изображением красного креста, вероятно ассоциировавшийся с эмблемой крестоносцев. После победы Элиаса Матабрюна бежит в замок Мобриант. Королеву освобождают, Элиас рассказывает правду о своих братьях и сестре. Цепочки надевают на шеи лебедей, они принимают человеческий облик, кроме одного, чья цепочка была переплавлена по приказу Матабрюны. Описывается осада Элиасом замка, в котором укрылась Матабрюна, и победа над ее рыцарями. Перед тем, как Элиас отправляется на поединок с Ондрэ, одним из рыцарей Матабрюны, ему является ангел и предупреждает, что на помощь Ондрэ придут еще 10 рыцарей, укрывшихся в лесу по приказу Матабрюны. В «Беатрикс» восстановление справедливости происходит только после наказания зрителя: после победы Элиаса над рыцарями Матабрюны ее сжигают на костре. Рассказу о дальнейших странствиях Элиаса вместе с братом-лебедом, который берет его ладью, предшествует явление ангела, по совету которого герой и отправляется в путь.

Итак, в сюжетах рассматриваемых поэм можно выделить следующие различия. В «Элиоксе» есть косвенные указания на сакральную природу главной героини: король встречает ее во время охоты в лесу у источника, она спускается с горы. Природу Беатрикс нельзя назвать сакральной, о ее происхождении не говорится, а Бог только

помогает ей, поскольку она несправедливо обманута. В «Беатрикс» козни свекрови направлены не только на невестку, но и на ее детей, поскольку она желает их смерти, а не только сокрытия правды, и ее действия объясняются дьявольским вмешательством. Различным образом происходит устранение магического предмета: в «Элиоксе» девочка присутствует при том, как детей лишают волшебных цепочек, в «Беатрикс» мальчик не знает, что произошло, и правду рассказывает ангел.

С переносом функции спасителя с женского персонажа на мужской связаны наиболее важные сюжетные расхождения. Перенос функции влечет за собой появление дополнительных мотивов, из которых складывается героическая биография Рыцаря с лебедем. Состояние, в котором он пребывает до совершения им юношеских подвигов: жизнь в лесу, воспитание его отшельником, недостаточность знаний о мире рыцарства и куртуазии, – логичным образом влечет за собой использование модели простака. Похожая модель используется в романе «Персеваль» Кретъена де Труа. Стоит отметить, что текстовые заимствования из романа Кретъена связаны только с приобретением героем знаний о рыцарском снаряжении и тактике ведении боя, а элементы куртуазного воспитания полностью отсутствуют. Для сюжета рыцарского романа наиболее значимо именно обучение куртуазному поведению, поскольку в дальнейшем именно оно мотивирует «осечку» Персевала. Для сюжета «Беатрикс» оно не столь важно, в то время как изначальная простота героя и его неумение обращаться с оружием усиливают роль божественного покровительства, которое сопутствует герою при совершении им первого подвига.

В «Беатрикс» можно заметить усиление роли божественного и дьявольского вмешательства в ход описываемых событий. Рождение семерых детей у Беатрикс – уже не подтверждение ее чудесной природы, как в «Элиоксе», а назидание ей же самой. В «Беатрикс» трижды происходит явление ангела. В первый раз через отшельника ангел направляет юношу на защиту своей матери, во второй раз ангел предупреждает Элиаса об опасности во время осады замка Матабрюны, в третий раз ангел является Элиасу и велит ему отправиться в странствия на поиски других приключений.

Кроме того, в «Беатрикс» появляется тема борьбы Бога и дьявола, отсутствующая в «Элиоксе»: Бог, защищая Элиаса во время поединка, противостоит дьяволу, влиянием которого мотивируются козни Матабрюны. С темой дьявольского вмешательства, вероятно, связано и наказание свекрови в «Беатрикс». Если в «Элиоксе» король прощает Матросилию, скрывавшую правду

из-за своего собственного неверия в честность невестки, то в «Беатрикс» Матабрюну сжигают на костре. Элиас противостоит Матабрюне, одержимой дьяволом, и преданно служащему ей Мокарэ, которые, собственно, и создают мотивировку для его подвига. Особенно отчетливо это видно на примере описания поединка, в котором Элиасу покровительствует Бог, а Мокарэ – дьявол, и Элиас побеждает, несмотря на свою юность и неопытность.

Заключение

Таким образом, транспозиция сальвационной функции с женского персонажа на мужской и появление в сюжетном блоке о рождении Рыцаря с лебедем мотива борьбы героя с обидчиком своей матери напрямую связано с усилением роли сверхъестественного вмешательства в ход описываемых событий. Сверхъестественной помощью мотивируется победа одного персонажа и поражение другого и, в конечном итоге, ликвидация недостачи. Если в фольклорном сюжете мотивировка ликвидации недостачи, как правило, не требуется, то в процессе трансформации фольклорного сюжета после вхождения его в эпико-романную традицию у ликвидации недостачи появляются дополнительные мотивировки: она трактуется как победа Бога над дьяволом и восстановление справедливости благодаря божественному вмешательству.

Благодарности

Выражаю огромную благодарность моему научному руководителю Инне Геральдовне Матюшиной за ценные замечания и помощь в работе над исследованием.

Литература

1. La naissance du Chevalier au Cygne: Elixoë / E.J. Mickel (ed.); Beatrix / J.A. Nelson (ed.) // The Old French Crusade Cycle. In 9 vols. Tuscaloosa; London: University of Alabama Press, 1977. Vol. 1.
2. *Barron W.R.J.* Versions and Texts of the Naissance du Chevalier au Cygne // Romania. 1968. Т. 89. № 356. P. 481–538.
3. *Paris G.* La Naissance du Chevalier au Cygne, ou les Enfants changés en cygnes, french poem of the XIIth century, published for the first time, together with an uned-

- ited prose version, from the Mss. of the National and Arsenal libraries in Paris, with introduction, notes and vocabulary, by Henry Alfred Todd, 1889 [compte-rendu] // *Romania*. 1890. T. 19. № 74. P. 314–340.
4. Sinclair F. Sacrifice, suppression, subversion: Redefining the feminine in the Enfants-Cygnés epics // *Olifant*. 1995. Vol. 20. P. 33–61.
 5. Boutet D. La Montagne dans la chanson de geste: topique, rhétorique et fonction épique // *La montagne dans le texte médiéval: entre mythe et réalité* / Claude-Al. Thomasset, Danièle James-Raoul (eds.). Paris: Presses de l'Université de Paris Sorbonne, 2000. P. 227–242.

References

1. La naissance du Chevalier au Cygne: Mickel EJ., ed. *Elioxe*; Nelson JA., ed. *Beatrix. The Old French Crusade Cycle*. In 9 vols. Tuscaloosa; London: University of Alabama Press, 1977. Vol. 1.
2. Barron WRJ. Versions and Texts of the Naissance du Chevalier au Cygne. *Romania*. 1968;89(356):481-538.
3. Paris G. La Naissance du Chevalier au Cygne, ou les Enfants changés en cygnes, french poem of the XIIth century, published for the first time, together with an unedited prose version, from the Mss. of the National and Arsenal libraries in Paris, with introduction, notes and vocabulary, by Henry Alfred Todd, 1889 [compte-rendu]. *Romania*. 1890;19(74):314-40.
4. Sinclair F. Sacrifice, suppression, subversion: Redefining the feminine in the Enfants-Cygnés epics. *Olifant*. 1995;20:33-61.
5. Boutet D. La Montagne dans la chanson de geste: topique, rhétorique et fonction épique. Thomasset Claude-Al., James-Raoul D., eds. *La montagne dans le texte médiéval: entre mythe et réalité*. Paris: Presses de l'Université de Paris Sorbonne, 2000. p. 227-42.

Информация об авторе

Ольга В. Попова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; popova.olga13w@mail.ru

Information about the author

Olga V. Popova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; popova.olga13w@mail.ru